

Ирина Ивановна Подойницына✉

д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. Россия, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58; ii.podoinitsyna@s-vfu.ru

Татьяна Поликарповна Егорова

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. Россия, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58; tp.egorova@s-vfu.ru

**НОВЫЕ ГОРОДСКИЕ СТИЛИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)**

Статья посвящена анализу результатов социологических исследований, проведенных в разные годы в Республике Саха (Якутия) (2011, 2017 и 2020 г.) с использованием математико-статистического, экономического, демографического подходов, которые позволили выявить в пространстве якутского социума новые стили жизни населения. Формирование новых городских стилей жизни, в основе которых лежит не только экономическое поведение индивида, но и культурологические составляющие (особенности ценностных ориентаций, образовательный ценз, общественная активность и др.), а также впервые в региональной социологии — брачное, сексуальное поведение индивида, в частности его отношение к браку, прослеживается с первого наблюдения 2011 г. Применялись методы вращения факторов (варимакс), кластерный анализ, метод *k*-средних. Использование метода главных компонент и факторного анализа доказало, что самыми сильными маркерами расслоения общества на определенные стили жизни являются интегрированные компоненты жизненных ценностей, образовательная и экономическая.

Ключевые слова: социальные отношения, культурологические маркеры, кластерный анализ, метод *k*-средних, стиль жизни, метод главных компонент, брачные отношения.

Для цитирования: Подойницына И. И., Егорова Т. П. Новые городские стили жизни населения Республики Саха (Якутия) // Социология города. 2022. № 3. С. 22—33. DOI: 10.35211/19943520_2022_3_22

Введение

Данное исследование — результат анализа ряда социологических срезов, проведенных в разные годы в Республике Саха (Якутия). В экспериментальном исследовании с использованием эвристического подхода к кластерному анализу (метод *k*-средних) впервые в региональной науке детально рассматривались аспекты демографического поведения респондента.

Особенность использования кластерного анализа в социологии состоит в том, что в опросах всегда отрабатываются разные типы переменных: качественные, количественные, ранговые. Социум слишком сложен и многослоен, чтобы изучать его только с помощью простейших дихотомий. Авторы представленной научной работы перевели разноплановые типы переменных в

ранговые: в случае с количественными переменными области значений таковых разбивались на интервалы, в случае с качественными переменными авторы постарались сделать набор нюансов ответа на субъективистские вопросы.

Методика

Основные методологические подходы, которые были использованы, это социологический, математико-статистический, экономический, демографический. Применялись как общенаучные исследовательские методы (анализ и синтез, обобщение, классификация данных), так и специфические, выделяемые в рамках предпочитаемых методологических подходов.

Использование социологического анализа подразумевало, во-первых, опору на методологические принципы классиков социологической мысли и, во-вторых, проведение репрезентативных социологических опросов, основанных на выборочном методе. В первом опросе использовалась многоступенчатая стратификационная квотная выборка, были опрошены 1670 респондентов в 5 экономических зонах Республики Саха (ноябрь 2017 г.). Стратификационным критерием выступал такой важнейший маркер социального расслоения населения, как характер труда респондента. Вычитывание ошибки выборки позволило определить доверительные интервалы функционирования переменных. Второй опрос был проведен в ноябре 2020 г., использовалась районированная квотная выборка, были опрошены 1300 респондентов в 13 улусах Республики Саха (Якутия), применялась пошаговая выборка. В этих опросах анкетировалось как городское, так и сельское население, однако дифференциация на отдельные стили жизни была выявлена только в городе, для села характерен единый образ жизни, который не будет рассматриваться в данной статье, — образ жизни сельского мира (Подойнищина, 2006; Подойнищина, 2012).

В рамках математико-статистического подхода использовались корреляционный, факторный и кластерный виды анализа. Особый интерес вызывает применение кластерного анализа, который в данном случае выступал как *эвристический метод*. В качестве формальной, исходной модели якутского социума принята модель стилей и субстилей жизни якутского социума, описанная в 2011 г. (Подойнищина, 2006); был сделан упор на свободные интерпретации результатов кластер-анализа.

Демографический подход заключался в анализе статистики брачного поведения респондентов. Экономический подход подразумевал анализ взаимосвязи материального статуса населения с дифференцирующими факторами.

В теоретико-методологическом плане использовались труды таких авторов, как П. Бурдые, И. Бестужев-Лада, В. Анурин, Л. Ионин, Н. Буреева, А. Дубров, С. А. Сукнева, А. С. Барашкова.

Обзор и анализ литературы

П. Бурдые остается одним из самых авторитетных ученых, который успешно соединил в своих изысканиях социологические и математико-статистические методики. По мнению Бурдые, только численная таксономия способна дать ответ на вопрос, из каких латентных группировок, объединенных неким социальным притяжением, состоит общество (Бурдые, 1992).

Идеи и методологические тезисы французского исследователя получили поддержку в нашей стране в трудах таких ученых, как И. В. Бестужев-Лада, В. Ф. Анурин, Л. Г. Ионин и др. И. В. Бестужев-Лада начинал работать в плане творческой коллаборации социологии и математики задолго до Бурдьё, в Советской России. Используя «вроцлавскую технику», или классификацию переменных на гомогенные кластеры, он доказал немонолитность советского образа жизни (Бестужев-Лада и др., 1980).

Культурные стили поведения социальных групп стали изучаться в России после перестройки. Л. Г. Ионин заявил, что в современных условиях повышения материального уровня населения, возросшей социальной мобильности настало время говорить о плюрализации и индивидуализации жизненных и культурных стилей (Ионин, 2002).

Якутские авторы также обращались к теме функционирования стилей жизни в социуме и социальной стратификации. Исследование «Многообразие образов жизни в постсоветском пространстве якутского социума», проведенное под руководством одного из авторов статьи в Республике Саха (Якутия) в 2002 г., продемонстрировало, что постсоветское пространство Якутии «распалось» на ряд независимых совокупностей и субпопуляций. Было выявлено 4 самостоятельных образа жизни (Подойницына, 2006). В 2011 г. одним из авторов статьи проведены аналогичные исследования: выявлено несколько образов жизни современных якутян, в том числе индустриальный образ жизни, образ жизни рефлексующих традиционалистов, патриархальный образ жизни (Подойницына, 2012). Эти исследования проводились с использованием численной таксономии и других методик математической статистики.

В исследовании Н. Н. Буреевой (Буреева, 2007) говорится о том, что кластерный анализ использовался в науке начиная с конца 30-х гг. XX в. Однако даже сейчас, почти сто лет спустя, кластеризация общества выступает продвинутой технологией анализа. Мы рассматривали «конъюнктуру социума», сильные и слабые социальные группировки по заданному критерию, определяли степень социального притяжения индивидов-акторов к центру кластера, т. е. анализировали ярко выраженные стили поведения с помощью их главных носителей. Была предпринята процедура стандартизации переменных.

Другие авторы — А. М. Дубров, В. С. Мхитарян, Л. И. Трошин — отмечают, что критерием качества классификации топосов может служить возможность содержательной интерпретации найденных групп (Дубров и др., 2003: 242). Интерпретативный анализ — важная часть кластер-анализа, и от его качества зависит успех исследования как таковой. В качестве априорной информации о распределениях и дифференциациях в генеральной совокупности нами использованы результаты исследования 2011 г., исходя из них были составлены выборки 2017 и 2020 гг.

Обсуждение результатов исследования

Исследования 2002 и 2011 г. продемонстрировали, что якутский социум подвергся серьезным трансформациям по сравнению с советским периодом, появились новые социально-экономические и социально-культурологические группы. Изменился в целом и образ жизни социально-экономических страт.

Отдельно стоит остановиться на таком методологическом аспекте, как выбор единиц измерения и адекватных характеристик кластеров, которые, согласно методике, будут заложены в процедуры разбиения. Одной из наших задач было стремление избежать получения «квазитопосов», не подлежащих содержательной социологической трактовке.

Отметим, что в опросе 2002 г. мы использовали методику тезауруса показателей И. В. Бестужева-Лады, который обосновал, что образ жизни может описываться с помощью 4 блоков основных компонент, таких как трудовая деятельность, общественно-политическая деятельность, деятельность в быту, социально-культурная деятельность. По мнению экспертов, субъективные показатели предпочтительнее при анализе образа жизни и самоидентификации респондентов.

В исследованиях, проведенных якутскими социологами в 2002 г., проанализированы 4 образа жизни, уже сложившиеся в якутском социуме на начало миллениума: модель жизни высшей городской экономической страты, модель жизни среднего городского слоя, модель жизни базового городского слоя, маргинальный образ жизни.

В исследованиях 2011 г. решено повторить социологический эксперимент и сделать новую кластеризацию якутского социума, в систему показателей были введены такие новые блоки переменных, как степень соблюдения национальных традиций, приверженность родовому клану и культивирование традиционной семьи, особенность ценностных ориентаций и др. Анализ показал, что даже те якутяне, которые придерживаются патриархального стиля жизни (таковых 13 % в якутском социуме), не говоря уже о тех, кто своим поведением в обыденности проповедует индустриальный образ жизни (таковых примерно 80 %), идентичны в своем демографическом поведении. И «патриархи», и «индустриалы» постепенно отходят от ценностей традиционной семьи и родового клана и начинают поддерживать незарегистрированные брачные отношения, т. е. фактически «опускаются» на позиции «брачных маргиналов» (Подойнищина, 2012). Еще тогда, в 2011 г., для нас это был весьма неожиданный и дискуссионный вывод.

В процессе подготовки масштабного социологического исследования 2017 г., осуществленного в 5 экономических зонах Республики Саха (Якутия), выработана гипотетическая модель проведения кластерного анализа. Авторами статьи предложена следующая гипотеза: *изменившиеся экономические и культурологические условия жизни населения Республики Саха (Якутия) создают новые стили городской жизни*. В анализ были включены следующие характеристики респондентов, потенциальных членов топосов, с учетом выводов предыдущих исследований: ежемесячный денежный доход, степень использования цифровых технологий (Интернет), социальное настроение, степень общественной активности, текущее брачное состояние, отношение к незарегистрированному браку, ценностные ориентации и др.

Итак, обратимся к результатам кластер-анализа: применив метод вращения факторов в SPSS и 5 итераций, изменений центров кластеров, мы выявили в социальном пространстве 5 рельефных кластеров. Проанализируем самый объемный из них, который, безусловно, можно интерпретировать как наиболее ярко выраженный в обществе *стиль жизни*. Характеристики членов таксона: уровень дохода (модальная цифра) — 30 765 руб.; частота пользова-

ния Интернетом — 1 раз в неделю; ровное, спокойное настроение; средняя степень участия в выборах и работе профсоюза («иногда»); брачный статус — незарегистрированный брак, дети имеются; на вопрос «почему распространены незарегистрированные браки?» респонденты отвечают: «неуверенность в партнере», «возможность проверки чувств»; причиной невступления в традиционный брак своевременно респонденты называют «отсутствие жилья»; самые важные жизненные ценности для респондентов — благоустроенное жилье, зарегистрированный брак, желаемое число детей, материальное благополучие, хорошее образование — и все это респондент желает иметь в равной степени; респонденты считают, что они не в полной мере используют свой потенциал на работе; это в основном рядовые работники интеллектуального труда; они скорее здоровы, чем нет; удовлетворены в целом — жильем, работой, бытом; высшее образование; женщины в этом кластере чаще «притягиваются» к центру, нежели мужчины.

Мы выделили так называемый *базовый городской стиль жизни*, который характерен для большинства населения столицы Республики, так живут среднестатистические якутяне — не очень богатые, а точнее малообеспеченные; они средне активны в общественном плане, склонны к брачной маргинальности, но при этом ценят вечные, базовые жизненные ценности и вполне довольны своей жизнью. Существует определенный лаг, разрыв между тем, что хотят иметь респонденты и что имеют в реальности.

Второй по величине кластер в 3 раза меньше первого. Доход членов второго кластера (модальная цифра) составляет 74 608 руб. Это почти в 2,5 раза выше, чем у представителей базового слоя. Представители второго кластера пользуются Интернетом каждый день, более активны в общественном плане — на выборы ходят всегда, являются заинтересованными избирателями. Акторы из второго кластера назвали некие «супер-эго», их два: «иметь рядом близкого человека» и «иметь собственное современное благоустроенное жилье». Рыночные ценности обеспеченные люди тоже не принимают. Представители второго кластера подчеркивают, что в полной мере используют свой профессиональный потенциал. Они занимают позицию ведущих специалистов, и это их тоже отличает от агентов первого кластера. Важный показатель — степень удовлетворенности жизнью. Респонденты, ассоциированные во второй кластер, полностью довольны своей работой, но всем остальным (медициной, досугом, бытом и др.) удовлетворены в средней степени. Аскриптивные характеристики ответивших респондентов: мужчины, 45 лет, с высшим образованием. Мужчины также находятся в незарегистрированном браке и имеют детей.

Можно назвать данный субстиль жизни *городским стилем жизни средних слоев*. Как видим, придерживаются его чаще среднеобеспеченные мужчины, социально активные люди и отличные профессионалы, владеющие цифровыми технологиями. В целом они более продвинуты, чем агенты первого кластера. В социальной пирамиде представители данного стиля жизни поднялись на ступень выше за счет более высокой профессиональной и общественной мотивированности.

Остановимся на характеристиках третьего, весьма малочисленного кластера, но в социальном плане сильного и развитого. Характеристики третьего кластера: модальная цифра дохода респондентов — 143 125 руб. Интернетом

пользуются каждый день; представителей этого кластера отличает от двух предыдущих такая выгодная позиция в обществе, как умеренный оптимизм и позитивные оценки жизни; общественно активны. Респонденты из третьего кластера пребывают в незарегистрированных брачных отношениях и имеют наследников, т. е. детей. На вопрос «почему люди не могут своевременно вступить в брак?» респонденты ответили: «еще не встретили любимого человека». Высшую оценку респонденты из третьего кластера поставили такой ценности, как «жить в зарегистрированном браке, иметь семью». Но, как видим, сами они ее не придерживаются (причина — «недоверие к партнеру», «боязнь за свое имущество»), комфортней находиться в свободных необязательных отношениях. Также высшую оценку респонденты поставили такой ценности, как «иметь желаемое число детей», «иметь рядом близкого человека». Респонденты подчеркнули, что в полной мере используют свой потенциал на работе. Ответ звучит ожидаемо, учитывая, что в этом кластере объединились супервайзеры (начальники цехов, отделов, подразделений). У представителей данного кластера лучшие жилищные условия. Агенты кластера в полной мере удовлетворены работой, но крайне недовольны медициной и состоянием дорог. В третий кластер ассоциировались мужчины, средний возраст — 46 лет, высшее образование.

Здесь речь идет о *стиле жизни высшей городской экономической страты*. Это страта отличных профессионалов, деятельных и мобильных оптимистов, довольных в целом своей жизнью. Состоятельные мужчины-профессионалы позволяют себе романтические настроения, но в целом также пребывают в «подвешенном» брачном статусе. В социальной пирамиде они занимают высшую ступень. Что касается двух других кластеров, то они слишком малочисленны, чтобы рассматривать их влияние в обществе. Масштабное демокопическое исследование 2017 г. доказало существование в якутском обществе трех основных городских стилей жизни, выделенных предыдущими исследованиями, и выявило следующую особенность якутского социума на данном этапе его развития: *горожане вне зависимости от своего социального и материального статуса и по разным психологическим причинам предпочитают иметь неофициальные брачные отношения, хотя теоретически не против регистрации брака и традиционных семейных ценностей*.

Экономическая составляющая отнесенности актора к тому или иному топосу превалирует, но она также меняется со временем, меняются и характеристики социально-экономических страт. Если в 2000-х годах (первый срез исследований) оплата труда составляла 47,9 %, а предпринимательская деятельность и прочие виды доходов были существенны (15,3 и 23,2 %), то в 2010 г. предпринимательская деятельность становится все более значимой (20,8 %), одновременно растет доля социальных выплат (17,6 %). К третьему срезу наших исследований все более значимой становится оплата труда в структуре доходов (58 %). В обществе появляется больше людей с высоким заработком, укрепляются позиции высшей городской экономической страты.

Следующая задача, которая поставлена нами в анализируемом исследовании, — выявить главные, интегрированные факторы социального расслоения общества. Использовался метод главных компонент. В качестве зависимой переменной принимаем социальное расслоение общества.

Независимых переменных было введено значительное количество (22), в основном это переменные, имеющие отношение к трудовой деятельности, общественно-политической деятельности, деятельности в быту, социально-культурной деятельности. В итоге информация сжалась до 6 главных компонент. Первая, самая весомая компонента, имеет 10,7 % объяснимой дисперсии. Это компонента жизненных ценностей, которые оказывают существенное влияние на притяжение респондентов к центрам кластеров («иметь успех, продвижение по службе» — 0,781; «материальное благополучие» — 0,786; «иметь рядом близкого человека» — 0,737). Вторая компонента имеет 9,9 % совокупной дисперсии, назовем ее образовательной. Третья интегральная компонента описывает 8,7 % дисперсии. Большие значения корреляций имеют следующие переменные: социальный статус (0,753), личный доход (0,451), дополнительные доходы (–0,740). Это экономическая компонента. Четвертая компонента имеет примерно такое же влияние, как и третья, — 8,3 % дисперсии, назовем ее компонентой социальной активности («участие в выборах» — 0,738, «участие в профсоюзной работе» — 0,606 и др.). Пятую компоненту — 8,2% объясненной дисперсии — назовем «брачной» (мы также выделяли ее и на других этапах факторного анализа): «нынешнее брачное состояние» составляет –0,810; «удовлетворенность браком» — 0,744. Шестая компонента — «следование советским традициям» (0,828). *Факторный анализ позволил определить маркеры расслоения общества на определенные стили жизни, самые сильные из них — компонента жизненных ценностей, образовательная, экономическая.*

Поставим вопрос следующим образом: насколько актуально в сегодняшней гуманитарной науке обсуждение такого явления, как незарегистрированные брачные отношения? Тема эта весьма актуальна и злободневна. Еще в 1990-е гг., когда в России появились гласность печати и свобода слова, стали активно рассуждать о свободных брачных отношениях. Исследователи отмечали: если в СССР незарегистрированные браки традиционно осуждались, то после перестройки ситуация кардинальным образом изменилась.

Выявлены те социальные субъекты, которым незарегистрированные брачные отношения на определенный отрезок времени будут полезны, это:

- 1) молодые люди, финансово и профессионально несостоятельные — студенты, курсанты, молодые специалисты;
- 2) люди с состоявшейся биографией, для которых смена семейного статуса связана с ломкой привычного образа жизни, т. е. не желательна;
- 3) люди, открытые экспериментам и творчеству (Варламова, 1999).

Некоторые исследователи отмечали, что «вторая группа» после перестройки явственно заявила о себе и уже почти не стесняется обсуждать преимущества неофициальных брачных отношений¹.

Социологи отмечают плюсы и минусы незарегистрированного брака, и тех и других — немало. В целом же достоинств у неформального брака для мужчины оказывается больше, чем недостатков, и мужчины гораздо чаще,

¹ Крайнев Д. Плюсы и минусы «гражданского брака». URL: <https://kraynev.ru/press-centr/novosti/plyusy-i-minusy-grazhdanskogo-braka/> (дата обращения: 17.03.2022).

чем женщины, заинтересованы в «полуженатом» образе жизни² (Сосновская, 2015). По статистике, 87 % мужчин, живущих в неоформленном браке, считают себя свободными, а 75 % женщин уверены, что они замужем³.

По данным ВЦИОМ, в официальном браке на 1 января 2020 г. состояло 52 % россиян; среди молодежи до 24 лет в зарегистрированном браке пребывает всего 17 %; 35 % россиян не имеют постоянных отношений; 10 % живут в неофициальном браке⁴. Стоит отметить, что исследования, которые проводились 10–15 лет назад, также отмечали, что примерно 10 % населения России пребывают в неофициальном браке. В статьях социологов из Нижнего Новгорода, Омска и Беларуси красной нитью проходит мысль о социальной приемлемости альтернативного вида брака — простого сожительства мужчины и женщины, или неофициального брака (Анурин, 2014; Осипова, 2013; Сосновская, 2015).

Сравним, как обстоят дела с брачными отношениями в Республике Саха (Якутия). Данные статистики показывают картину снижения общего количества зарегистрированных браков к 2019 г.: рост браков, наблюдаемый с 2010 г. (в 1,5 раза в 2011 г. в абсолютном и относительном выражении к 2000 г.), особенно в возрастной категории 25–34 года (рост в 3,2 раза), к 2019 г. пришел к стабилизации, связанной со многими факторами: снижением численности населения детородного возраста, миграцией в регионе, трансформацией брачного поведения и рядом других (рис. 1).

Исследования якутских демографов 2011 г. С. А. Сукневой и А. С. Барашковой продемонстрировали, что среди причин распространения неофициальных браков мужчины-якуты чаще, чем женщины-якутянки, указывают на проявление индивидуальности (у горожан — 32 % против 20 %, у сельских жителей — 36,8 % против 17,4 %) (Барашкова, Сукнёва, 2011). В исследованиях 2019 г. демографы сделали уже более конкретный вывод: в настоящее время в Якутии каждая 6-я пара предпочитает официально не оформлять свои отношения, сожительство в Якутии обрело масштабы статистически учитываемого явления. Оно более выражено в промышленных районах, нежели в среднем по Республике и в сельских районах. Это не в последнюю очередь связано с высокой миграционной подвижностью жителей (Sukneva и др., 2018; Sukneva и др., 2019).

Исследование, проведенное при участии авторов статьи в 2020 г., касалось в основном социально-экономического положения населения Республики, степени его удовлетворенности различными сторонами жизни. Один блок вопросов был посвящен брачному и репродуктивному поведению якутян. Проведение корреляционного анализа при обработке данных исследования, а

² Неофициальный, он же гражданский брак — плюсы и минусы сожительства // Prozakon. URL: <https://prozakon.guru/semeynoe-pravo/brak/grazhdanskiy-plyusyi-i-minusyi.html> (дата обращения: 17.03.2022).

³ Кравчук М. Гражданский брак — свобода или сложности в любви. URL: <https://blog.mkravchuk.com/grazhdanskiy-brak-svoboda-ili-slozhnosti-v-lyubvi/> (дата обращения: 17.03.2022).

⁴ ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке // Новости «Интерфакса». URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения: 17.03.2022).

также построение сложных зависимых таблиц, в которых удалось «стыковать» три переменные, позволило выявить, насколько зависимы между собой социально-экономическое и брачное поведение индивидов. Были получены следующие данные: «одиночек» в выборке оказалось не так много — от 10 до 18 %, модальная цифра составляет 14 %. Почти 2/3 респондентов из выборки женаты, при этом в незарегистрированном браке состоят 13 % опрошенных. Как видим, данный процент ненамного превышает общероссийские показатели. Кроме того, он остается на данном уровне (13 %) начиная с 2002 г. (Барашкова, Сукнёва, 2011).

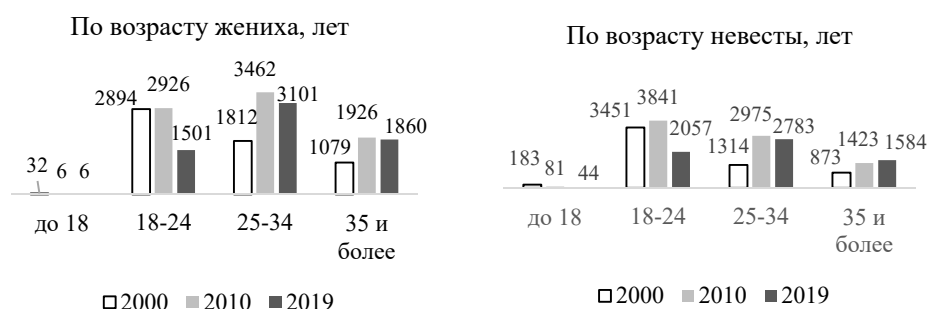

Рис. 1. Сравнение количества зарегистрированных браков (единицы) по возрастам жениха и невесты в динамике по Республике Саха (Якутия)⁵

Прокомментируем взаимозависимость таких переменных, как «число людей, проживающих совместно в одном домохозяйстве» — «возраст» — «уровень благосостояния». Сложная таблица корреляций демонстрирует, что не прослеживается статистической связи между ответами респондентов. Так, 20—25 % в каждой возрастной группе, независимо от того, в каких семьях они живут — в официальном, неофициальном браке, по одному, по 2—3 человека и др., склонны называть себя необеспеченными людьми. Удивительно то, что так считают даже одинокие люди. Их рефлексии мало отличаются от рефлексий семейных жителей.

При ответе на вопрос «почему вы предпочли незарегистрированный брак?» респонденты отвечали примерно так же, как и участники первого масштабного якутского опроса, о котором говорилось выше. Молодые люди заявляли о проверке чувств на крепость и надежность, люди среднего возраста настаивали на том, что для начала им необходимо хорошее благоустроенное жилье, налаженный быт, хорошая зарплата, а уж потом они будут задумываться о «настоящей семье». Женщинам неофициальный брак был нужен в основном для того, чтобы избавиться от одиночества, мужчинам хотелось пожить «в тихой гавани». Выявился и сугубо «северный» мотив предпочтения неофициальных брачных отношений: «Я на Севере человек временный, поэтому и живу во временном браке, это просто этап жизни».

⁵ Составлено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (дата обращения: 17.03.2022).

Тема брачных отношений актуальна не только для городского населения, но и для сельского, в феномене безбрачия прослеживается попытка освоения населением новых жизненных стратегий, моделей поведения в эпоху глубоких перемен привычной социально-экономической среды (Барашкова, Сукнёва, 2011; Сукнева, Барашкова, 2019).

Заключение

Вертикально организованная социальная структура, в которой иерархия устанавливается согласно власти и давления доходного фактора, продолжает играть ведущую роль. Горизонтальная стратификация всего лишь дополняет и усложняет вертикальную экономическую стратификацию социума. Масштабные социологические исследования, проведенные в Республике Саха (Якутия) в 2017 и 2020 г., использование эвристических математико-статистических методов, авторского интерпретативного анализа позволили выявить в пространстве якутского социума существование трех кластеров — трех субстилей городской жизни. Речь идет о базовом городском стиле жизни, городском стиле жизни средних слоев, стиле жизни высшей городской экономической страты.

Экономическая компонента, согласно факторному анализу, оказывает существенное влияние на формирование солидарных кластеров. Весьма влиятельны и культурологические дифференцирующие факторы — такие как ценностные ориентации, степень социальной активности, уровень образования.

Одним из своеобразных открытий данного опроса является выявление большого влияния так называемой «брачной компоненты», внутри которой обнаружено весьма толерантное отношение к незарегистрированному браку, причем во всех экономических стратах и, соответственно, в разных стилях жизни. Исследование показало, что отношение к «свободному» браку является неоднозначным и противоречивым явлением, имеющим немало плюсов и минусов как для мужчин, так и для женщин. Данный вопрос требует дальнейшего изучения и уточнения многих нюансов. В будущем мы должны ответить на вопрос, какие социальные группы склонны к брачной маргинальности, как это влияет на репродуктивное поведение, предстоит выявить причинно-следственные связи между брачной маргинальностью и гендерной психологией, материальными аспектами жизни и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анурин В. Ф. Субъективная составляющая качества жизни // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 6—14.

Барашкова А. С., Сукнёва С. А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 116—132.

Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. С., Дридзе Т. М. Социальные показатели образа жизни советского общества. М.: Наука, 1980. 216 с.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 17—36.

Бурева Н. Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП «Statistica». Н. Новгород, 2007. 112 с.

Варламова Е. Архивная публикация 1999 года: «Гражданский брак: за и против» // Профиль. URL: <https://profile.ru/archive/grazhdanskiy-brak-za-i-protiv-104595/> (дата обращения: 17.03.2022).

Дубров А. М., Мхитарян В. С., Трошин Л. И. Многомерные статистические методы. М., 2003. 352 с.

Ионин Л. Г. Социальная культура: путь в новое тысячелетие. М., 2002.

Осипова И. Гражданские браки: смыслы и отношение // Факторы общественного мнения. URL: <https://fom.ru/blogs/11093> (дата обращения: 17.03.2022).

Подойницына И. И. Новый профиль социальной стратификации общества России. Гамбург: Palmarium academic publishing, 2012. 245 с.

Подойницына И. И. Особенности социальной идентификации жителей Республики Саха (Якутия) в социальном пространстве региона // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 7. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. С. 52—57.

Сосновская Н. Трансформация семейных ценностей в современном обществе // Наука и инновации. 2015. № 9(151). С. 14—21.

Сукнева С. А., Барашкова А. С. Феномен сожительства в Северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 97—110.

Sukneva S., Barashkova A., Tarasova-Sivtseva O. Migration and nuptiality in course of revitalization the economic development of Yakutia // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Electronic edition. Vladivostok, 2018. P. 042102.

Sukneva S. A., Barashkova A. S., Tarasova-Sivtseva O. M., Potanina Yu. A. Transformation of marriage market in the Northern region: female view // Сб. науч. тр. II Международной науч. конф., посвященной 85-летию проф. Х. И. Ибрагимова. 2019. С. 156—161.

Research Article

Irina I. Podoinitsyna

Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of the Management Department, Ammosov North-Eastern Federal University. 58, Belinskogo st., Yakutsk, 677000, Russia; i.podoinitsyna@s-vfu.ru

Tatiana P. Egorova

Candidate of Economics, Leading Researcher at the Laboratory of Population Economics and Demography, Ammosov North-Eastern Federal University. 58, Belinskogo st., Yakutsk, 677000, Russia; tp.egorova@s-vfu.ru

NEW URBAN LIFESTYLES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. The article is devoted to analysis of the results of sociological research conducted in different years in the Republic of Sakha (Yakutia) (2011, 2017 and 2020) using mathematical-statistical, economic, demographic approaches that allowed identifying new lifestyles of the population in the space of the Yakut society. The formation of new urban lifestyles, which are based not only on the economic behavior of the individual, but also cultural components (features of value orientations, educational qualification, social activity, etc.), as well as for the first time in regional sociology — marital, sexual behavior of the individual, in particular, his attitude to marriage, can be traced from the first observation of 2011. The methods of factor rotation (varimax), cluster analysis, and the *k*-means method were used. The use of the method of principal components and factor analysis proved that the strongest markers of the stratification of society into certain lifestyles are integrated components of life values; educational and economic.

Keywords: social relations, cultural markers, cluster analysis, k-means method, lifestyle, principal components method, marital relations.

For citation: Podoinitsyna I. I., Egorova T. P. (2022) New urban lifestyles of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 3, pp. 22—33 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2022_3_22

REFERENCES

- Anurin V. F. (2019) The subjective component of quality of life. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State Humanitarian University], no. 2, pp. 6—14 (in Russian).
- Barashkova A. S., Sukneva S. A. (2011) Conflict-generating factors of marriage behavior in Yakutiya. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], no. 4, pp. 116—132 (in Russian).
- Bestuzhev-Lada I. V., Batygin G. S., Dridze T. M. (1980) *Sotsial'nye pokazateli obrazza zhizni sovetskogo obshchestva* [Social indicators of the lifestyle of Soviet society]. Moscow. 216 p. (in Russian).
- Bourdieu P. (1992) Social space and the genesis of “classes”. *Voprosy sotsiologii* [Questions of sociology], no. 1, pp. 17—36 (in Russian).
- Bureeva N. N. (2007) *Mnogomernyi statisticheskii analiz s ispol'zovaniem PPP “Statistica”* [Multivariate statistical analysis using PPP “Statistica”]. Nizhnii Novgorod. 112 p. (in Russian).
- Varlamova E. (1999) Archival publication of 1999: “Civil marriage: pros and cons”. *Profil* [Profile]. URL: <https://profil.ru/archive/grazhdanskiy-brak-za-i-protiv-104595>. Accessed: 17.03.2022 (in Russian).
- Dubrov A. M., Mkhitaryan V. S., Troshin L. I. (2003) *Mnogomernye statisticheskie metody* [Multidimensional statistical methods]. Moscow. 352 p. (in Russian).
- Ionin L. G. (2002) *Sotsial'naya kul'tura: put' v novoe tysyacheletie* [Social culture: the path to the new millennium]. Moscow.
- Osipova I. (2013) Civil marriages: meanings and attitudes. Factors of public opinion. *Faktery obshchestvennogo mneniya* [Factors of public opinion]. URL: <https://fom.ru/blogs/11093>. Accessed: 17.03.2022 (in Russian).
- Podoinitsyna I. I. (2012) *Novyi profil' sotsial'noi stratifikatsii obshchestva Rossii* [A new profile of social stratification of Russian society]. Hamburg: Palmarium academic publishing. 245 p. (in Russian).
- Podoinitsyna I. I. (2006) Features of social identification of the inhabitants of the Republic of Sakha (Yakutia) in the social space of the region. *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri*. Vyp. 7 [Ethno-social processes in Siberia]. Iss. 7. Pp. 52—57 (in Russian).
- Sosnovskaya N. (2015) The transformation of family values in the modern Belarusian society. *Nauka i innovatsii* [Science and innovation], no. 9(151), pp. 14—21 (in Russian).
- Sukneva S. A., Barashkova A. S. (2019) The phenomenon of cohabitation in the Northern region: extent, causes and demographic consequences. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], no. 1, pp. 97—110 (in Russian).
- Sukneva S., Barashkova A., Tarasova-Sivtseva O. (2018) Migration and nuptiality in course of revitalization the economic development of Yakutia. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Electronic edition. Vladivostok. P. 042102.
- Sukneva S. A., Barashkova A. S., Tarasova-Sivtseva O. M., Potanina Yu. A. (2019) Transformation of marriage market in the Northern region: female view. *Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu prof. Kh. I. Ibragimova* [Collection of scientific papers of the II International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of prof. Kh. I. Ibragimova]. Pp. 156—161 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2022
Принята в печать 24.08.2022

Received: 27.06.2022
Accepted for publication: 24.08.2022